

2. Меняющиеся параметры формирования брачно-партнерских отношений и появление первенца в современной России

2.1. Композиция брачно-партнерской сферы в традиционном и современном обществе

В традиционном обществе брак был одним из самых важных событий в биографиях и судьбах людей. Начало семейной жизни являлось «входным билетом» в мир взрослых, открывало доступ к материальным ресурсам (таким как приданое, выкуп, свой дом или место для молодых в родительском доме), к сексуальной жизни, давало возможность продолжить род, так как деторождение в браке было обязательным, а вне брака порицалось. Брак повышал социальный статус как мужчин, так и женщин. Но если мужчина мог выбрать военную службу, службу при дворе, служение церкви, ремесло, отходничество, науку (в более поздний период), то для женщины замужество долгое время оставалось практически единственным социальным лифтом (альтернативы в виде монашества и приживальства у родственников никогда не рассматривались в качестве желательных в массовом сознании).

Сегодня разнообразие способов реализации делает брак одним из возможных и для многих желательным, но далеко не обязательным событием в жизни. И мужчины, и женщины имеют большое число других вариантов самореализации и получения высокого социального статуса.

В традиционном обществе институты брака и семьи находились под прямым контролем со стороны локальной общины, религиозных институтов и/или государства. В современном обществе жесткий социальный контроль отпал: стали возможными и допустимыми самые разнообразные виды и формы совместного проживания людей, нацеленные на то, чтобы наиболее эффективно и с меньшими потерями времени и сил выбрать «того самого» партнера, потенциального супруга. Одной из наиболее популярных

форм совместного проживания стали незарегистрированные отношения¹ (партнерства или сожительства)². Во многих странах партнерство является «пробной версией» брака, которая позволяет индивидам, не беря на себя долгосрочных обязательств (commitment), «протестировать» друг друга в совместной жизни и понять, получится ли из них пара в долгосрочной перспективе³. В некоторых странах бракоподобные партнерства уже становятся полноценной альтернативой браку — союзом, в котором люди долго живут и заводят детей.

Согласно концепции, предложенной рядом ученых⁴, партнерство проходит четыре стадии постепенного включения в нормативный для социума жизненный путь: стадии инновации, популяризации, легитимации и хабиитуализации. Проведенное нами ранее исследование⁵ показывает применимость данной концепции к ситуации в России и соотносится с представлением других ученых⁶ о хабиитуализации новых социальных практик.

Во время второго демографического перехода в матримониальной сфере происходят как количественные, так и качественные изменения⁷:

¹ Мы предпочитаем использовать термин «партнерство», так как «сожительство» носит в России зачастую негативную коннотацию, что связано с преимущественным использованием его в судебных процессах, упоминаниями в криминальной хронике и т.п., тогда как «партнерство» более нейтрально.

² Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 184.

³ *Исупова О.Г.* «Мы просто живем вместе» // Демоскоп Weekly. 2013. № 565–566.

⁴ *Kiernan K.* Cohabitation in Western Europe: Trends, issues and implications // Booth A., Crouter A. (eds). Just living together: Implications of cohabitation on families, children and social policy. N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 3–31.

⁵ *Артамонова А.В., Митрофанова Е.С.* Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. Т. 131. № 1. С. 26–146.

⁶ *Berger P., Luckmann T.* The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. Garden City, NY: First Anchor, 1966.

⁷ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 608; *Lesthaeghe R., Neels K.* From the first to the second demographic transition: An interpretation of the spatial continuity of demographic innovation in France, Belgium and Switzerland Europe-an // Journal of Population. 2002. Vol. 18. No. 4. P. 325–360; *Mayer K.U.* Whose

- молодежь все чаще начинает свою матримониальную биографию с более или менее продолжительных партнерств, заключая официальный брак, лишь когда находят подходящего партнера и чувствуют готовность к долгосрочным отношениям, или исходя из каких-то иных соображений;
- количество союзов, в которые средний индивид вступает в течение жизни, растет. Некоторые исследователи называют этот феномен последовательным многоженством (последовательной/серийной полигамией);
- возраст вступления в неслучайные партнерские отношения является достаточно молодым и может быть ниже законодательно установленного возраста бракоспособности, так как партнерство не нужно регистрировать официально;
- возрастной профиль вступления в брак «стареет», поскольку давление со стороны общества и семьи снижается, продолжительность жизни растет, репродуктивный период с помощью современных технологий увеличивается, т.е. индивид получает возможность отложить выбор брачного партнера, родительства или вовсе отказаться от брака в пользу партнерства или одиночества.

2.2. Историческое обновление брачно-партнерских практик в России

Модернизация демографического поведения в России отличается от схемы, продемонстрированной странами Европы, которые были первопроходцами демографической модернизации. С XIX в. в Европе существовал так называемый европейский тип брачности, характеризующийся высокой долей безбрачия и поздним возрастом вступления в брак.

В России до Октябрьской революции брачность и рождаемость были ранними и универсальными. В 1897 г. в России 47%

lives? How history, societies, and institutions define and shape life courses // *Research in Human Development*. 2004. Vol. 1. No. 3. P. 161–187; *Zakharov S.* Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. P. 907–972.

женщин вступало в брак до 21 года⁸, а в возрасте 20–24 года в браке состояло 64,3%. Подобная тенденция очень ранней брачности сохранялась довольно долго и была прервана в 1930-е годы и последующий военный период, который потребовал милитаризации экономики и всего общества, в том числе изменения законов о воинской службе, занятости и проч. В 1939 г. до 21-летия в брак вступало всего 29% девушек. Затем по мере нормализации брачного рынка нормы ранней и всеобщей брачности и рождаемости восстановились при сохранении и даже некотором усилении про-наталистской идеологии и соответствующих мер политики. В 1970–1980-х годах возрастная модель заключения браков не сильно отличалась от той, что имела Россия в конце XIX — начале XX в.⁹

М.С. Тольц в работе 1974 г. предвосхищает дальнейшие события следующими рассуждениями: если бы населению были доступны контрацептивы, то браки немедленно начали бы откладываться и ранних браков стало бы намного меньше¹⁰. Действительно связка между сексуальным, матримониальным и репродуктивным поведением в то время была еще очень сильной. Первые изменения стали намечаться с либерализацией сексуальной морали в 1970-е годы¹¹. Но эта либерализация сдерживалась, во-первых, общественно-по-

⁸ Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 138–153.

⁹ Вишневецкий А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. С. 75–114; Дарский Л.Е., Ильина И.П. Нормализация брачности в СССР // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С. 6–27; Захаров С.В. Возрастная модель брака // Отечественные записки. 2006. № 4. С. 271–300; Брачность, рождаемость, семья за три века. С. 184.

¹⁰ Тольц М.С. Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе // Демографический анализ рождаемости / под ред. Д.И. Валентя. М.: Статистика, 1974. С. 45–55.

¹¹ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997. С. 464; Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. С. 240; Денисенко М.Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83–87.

литическим дискурсом¹², а во-вторых, отсутствием упомянутой контрацепции (доступной и эффективной)¹³.

Ситуация стала резко меняться после слома всей политической и экономической системы в 1991 г.¹⁴ К началу 1990-х годов в России возраст сексуального дебюта, вступления в первый брак и рождения первого ребенка оказались сближенными до предела¹⁵: начала происходить легитимация добрачных сексуальных практик, но эффективные средства контрацепции еще оставались недоступными для большинства россиян, поэтому добрачные связи часто приводили к незапланированной беременности. Легитимации внебрачных рождений и одиноких родителей (в основном матерей-одиночек) еще не произошло, поэтому возникавшие беременности зачастую прикрывались браками «вдогонку».

В.С. Магун, проводя аналогии между Россией и Францией, замечает, что «заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошел в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции». Представители старших поколений придерживаются более традиционных норм в отношении брака, чем люди моложе 40–49 лет в России и 60 лет во Франции. Причина этого — яркие исторические события 1968 г. во Франции и 1991 г.

¹² Арутюнян М.Ю. Гендерные отношения в семье // Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М.: МЦГИ, 1997. С. 136–141; *Здравомыслова Е., Темкина А.* От лицемерия к рационализации: дискурсивная трансформация в сфере сексуальных отношений // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 176–186; *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2008. С. 55–85.

¹³ *Тольц М.С.* Характеристика некоторых компонентов рождаемости...; *Троицкая И., Авдеев А., Бадурашвили И.* и др. Сравнительный анализ контрацептивного поведения: Франция, Грузия, Литва и Россия // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 266–304; *Popov A.A., Visser A.Ph., Ketting E.* Contraceptive knowledge, attitudes, and practice in Russia during the 1980s // *Studies in Family Planning*. 1993. Vol. 24. No. 4. P. 227–235.

¹⁴ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 14–15, 24–25, 249.

¹⁵ *Захаров С.В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75–126.

в России, на момент которых нынешним 40-летним россиянам и 60-летним французам было по 20 лет. А этот возраст считается периодом наиболее интенсивного формирования ценностно-нормативного сознания¹⁶. К аналогичным результатам и выводам приходит и Д.О. Попова в работе по исследованию трансформации семейных ценностей в России¹⁷: «есть основания говорить о межпоколенном сломе в установках, проходящем по поколению тех, кому сейчас 40–49 лет». Это поколение достаточно активно поддерживает молодежь в приверженности инновационно-прагматическому подходу к семье и браку.

То есть данные, полученные разными исследователями, указывают на более позднее начало новейшего этапа демографической модернизации в России, чем в странах Запада, но тем не менее маркируют наличие признаков демографического перехода в нашей стране. Изучим подробнее трансформации разных видов демографического поведения.

В советское время начиная с 1960-х годов наблюдалось снижение возраста сексуального дебюта, тогда как сейчас этот опыт молодежью начинает откладываться¹⁸. На протяжении уже нескольких десятилетий опыт совместного проживания с партнером к 25 годам имеют более 80% женщин. Первый союз все чаще является незарегистрированным и все реже перерастает в официальный брак¹⁹. Об этом свидетельствует и увеличение среднего возраста вступления в первый брак²⁰. Он составил почти 2 года для обоих полов, увеличившись до 26 лет для женихов и до 22,6 года для невест²¹. Поколе-

¹⁶ Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 153.

¹⁷ Попова Д.О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 336.

¹⁸ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. С. 29, 30, 262–271.

¹⁹ Население России 2005: тринадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 62.

²⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 126.

²¹ Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России...

ния 1965—1969-х годов рождения к 35-летнему возрасту провели около 90% времени совместной жизни с партнерами в официальных браках; поколения 1970—1974-х годов рождения к возрасту 30 лет проводят в официальных браках уже менее 80% этого времени; поколения 1975—1979-х годов рождения к 25 годам — чуть более 75%.

В поколениях 1950-х годов рождения 50% женщин регистрируют брак с партнером к первому году от начала неформального союза, в поколениях 1970-х годов рождения — 30%, т.е. тенденция к раннему началу совместной жизни оказалась сломлена в молодых поколениях²². Если оформление отношений не происходит к третьему—пятому годам совместной жизни, шансы на их регистрацию минимальны. Относительная разница между зарегистрировавшими брак к пятому и десятому годам от начала отношений отсутствует.

Регистрация отношений в загсе утрачивает символическое значение стартового события для начала совместной жизни молодых людей. С расширением карьерных, образовательных, социальных возможностей девушки перестают воспринимать замужество как единственный способ успешной самореализации. То есть у современных поколений официальная регистрация партнерских отношений не только откладывается на более поздний возраст, но и вытесняется устойчивыми сожительством.

Начиная с 1999-х годов партнерства становятся социальной нормой²³. Поколения, родившиеся после 1960 г., все чаще начинают совместную жизнь с партнером не с регистрации брака²⁴. Половина партнеров в возрасте до 25 лет состоит в неформальных союзах. В довоенных поколениях менее 30% женщин начинают партнерский союз к 20 годам, в 1970-м — почти 50%, в 2004-м — 35%. Из мужчин и женщин в активных детородных возрастах (20—40 лет) 13—15% состоят в неформальных союзах. Среди 20—24-летних, имеющих в домохозяйстве партнера, таких 42%, а среди 30-летних — 17—19%²⁵.

²² *Захаров С.В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России...

²³ Демографическая модернизация России, 1900—2000 С. 100.

²⁴ *Захаров С.В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России...

²⁵ Там же.

Первые партнерства представляют собой²⁶:

- неудавшиеся пробные браки (в основе которых лежали матримониальные намерения), не выдержавшие проверку и прекратившие свое существование (именно они вносят основной вклад в низкую среднюю продолжительность партнерств);
- удавшиеся пробные браки, перерастающие в зарегистрированный союз (они схожи и по длительности, и по рождаемости с союзами, начавшимися с официальной регистрации);
- партнерства *per se*, где могут со временем появиться дети, но отношения так и не приобретут официальный характер.

В России некоторые женщины не хотят вступать в зарегистрированный союз, пока они молоды, поскольку это может ограничить их развитие и «закабалить»²⁷. Но часто к возрасту 30–35 лет даже такие женщины начинают хотеть завести семью и вступить в матримониальный союз, так как быть не замужем в этом возрасте «уже как-то стыдно»²⁸. Для российских мужчин не было выявлено специфического возраста, после которого интенсивность браков возрастает.

На выбор типа брачно-партнерского союза оказывает влияние множество факторов. Подробному изучению этой темы посвящено несколько выполненных нами ранее работ²⁹, в которых было выявлено, что в России, как и в других странах Европы, на выбор партнерства или брака в качестве первого союза влияют уровень образования, тип населенного пункта проживания, возраст вступ-

²⁶ Население России 2007: пятнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 296.

²⁷ *Исупова О.Г.* Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. Т. 2. № 126. С. 159.

²⁸ Там же. С. 153–165

²⁹ *Артамонова А.В., Митрофанова Е.С.* Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 106–137; *Mitrofanova E.S., Artamonova A.V.* The perspectives of family policy in Russia amid increasing cohabitation // *European Journal of Government and Economics*. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 47–63; *Idem.* Studying family formation trajectories' deinstitutionalization in Russia using sequence analysis // *Tagiew R., Ignatov D.I., Hilbert A. et al.* (eds). *Proceedings of the Third Workshop on Experimental Economics and Machine Learning (EEML 2016)*, Moscow, Russia, July 18, 2016. Aachen: CEUR Workshop Proceedings, 2016. Vol. 1627.

ления в союз, наступление зачатия до образования союза, матримонимальный опыт родителей, обстоятельства покидания родительского дома и выхода на рынок труда.

Брак в качестве первого матримонимального союза становится менее популярным среди молодых поколений россиян, уступая место партнерству. Поколения, рожденные до 1965 г., чаще выбирали брак в качестве первого союза (75%), а поколения, рожденные в 1966–1975 гг., чаще предпочитают партнерства (55%)³⁰.

2.3. Межпоколенческая динамика в матримонимальном поведении и переходе к родительству в России

Рассмотрим трансформации, происходящие в матримонимальной сфере россиян, пользуясь результатами репрезентативного опроса «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»³¹ (РидМиЖ)³². В выборку, объединяющую панельных респондентов, участвовавших в трех волнах опроса (2004, 2007 и 2011 гг.), вошло 5451 респондент. Структура выборки по полу и поколениям представлена на рис. 2.1. Мы выделили шесть поколений с 10-летним шагом. Последнее поколение усечено, так как на момент первой волны обследования самые молодые респондент-

³⁰ Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. Т. 131. № 1. С. 126–146; *Они же*. Сожительства без регистрации в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 671–672.

³¹ Три волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) проведены в России Независимым институтом социальной политики в 2004, 2007 и 2011 гг. РидМиЖ/RusGGS является частью международной программы ЕЭК ООН «Generations and Gender/Поколения и гендер» (GGP). Программа разработана международным консорциумом статистических и демографических центров в ключе концепции жизненного пути и сопоставима для всех трех десятков стран — участниц программы. Официальный сайт программы: URL: <https://www.ggp-i.org/>.

³² Блюм А., Себий П., Захаров С.В. Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / под ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 141–174.

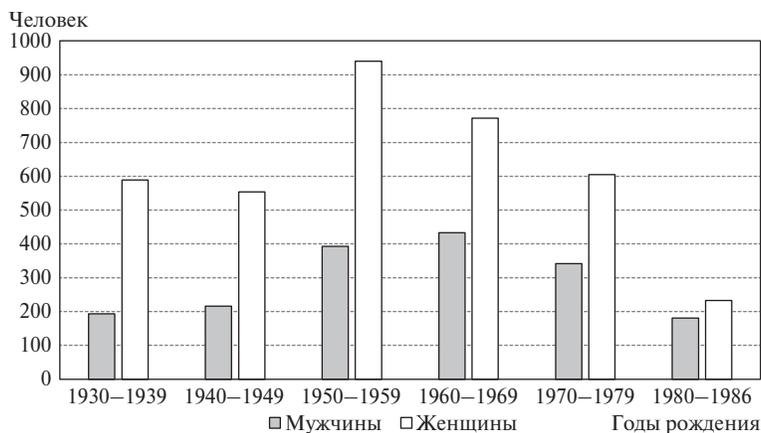

Рис. 2.1. Структура выборки в разрезе пола и поколений, человек
Источник: Составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

ты были 1986 года рождения. Гендерный и поколенческий дисбаланс обусловлен панельной природой данных и связанным с ней «обсыпанием» выборки. Мы нивелировали это ограничение данных проведением анализа в разрезе пола и поколений.

Поскольку нам важно не только зафиксировать появление партнерства как нового нормативного биографического события, но и отследить переформатирование связки между матримониальными и репродуктивными событиями, то в дальнейшем анализе, где это необходимо, будем также брать во внимание данные о деторождении. В табл. 2.1 представлены процентные распределения респондентов, в биографии которых три изучаемые нами события появились в конкретном интервале возрастов: до 14 лет, между 15 и 24 годами, между 25 и 34 годами и после 35 лет. Также событие в биографии могло не наступить к моменту проведения опроса.

Из данных табл. 2.1 видно, что у поколений до 1980 года рождения наиболее ассоциированными со вступлением в первый брак и рождением первого ребенка интервалами был возраст 15–24 лет (особенно у женщин). В молодых поколениях, уже достигших возраста 25 лет на момент опроса, наблюдается существенное снижение доли тех, кто обрел эти события к 25 годам. Особенно сильное откладывание этих событий характерно для мужчин. Первое парт-

Таблица 2.1. Доли респондентов, у которых наступило или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола и поколений, %

Событие	Поколения, годы рождения	Мужчины в возрасте, лет				Женщины в возрасте, лет					
		15–24	25–34	35 и более	Нет события	Всего	15–24	25–34	35 и более	Нет события	Всего
Первое партнерство	1930–1939	15	6	11	67	100	16	7	10	66	100
	1940–1949	13	8	11	68	100	19	8	10	63	100
	1950–1959	16	10	11	63	100	20	13	12	55	100
	1960–1969	23	16	7	54	100	27	12	9	52	100
	1970–1979	37	21	1	41	100	43	15	1	40	100
	1980–1986	61	8	0	31	100	64	7	0	29	100
Первый брак	1930–1939	48	42	5	5	100	66	18	3	14	100
	1940–1949	63	30	3	4	100	71	15	2	12	100
	1950–1959	66	23	4	6	100	73	15	2	10	100
	1960–1969	60	27	3	10	100	77	11	1	11	100
	1970–1979	56	20	1	23	100	76	7	1	16	100
	1980–1986	23	8	0	70	100	45	5	0	49	100
Первый ребенок	1930–1939	32	54	6	8	100	63	28	2	7	100
	1940–1949	51	44	1	4	100	66	24	2	8	100
	1950–1959	51	36	4	9	100	67	24	3	6	100
	1960–1969	50	37	4	9	100	74	19	1	6	100
	1970–1979	44	35	1	19	100	77	16	0	7	100
	1980–1986	20	21	0	59	100	60	9	0	30	100

Источник: Рассчитано и составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

нерство, напротив, из маргинального события, встречавшегося только у трети респондентов, становится одним из самых популярных стартовых демографических событий, особенно у мужчин.

Изучим календарь наступления матримониальных и репродуктивных событий. Как мы увидели из данных табл. 2.1, большинство стартовых демографических событий наступает до 35 лет. По этой причине мы рассчитали средние и медианные возрасты не только для всей выборки, как это делается обычно, но и для той части респондентов (будем называть ее целевой совокупностью), у которых события произошли в диапазоне 15–35 лет (табл. 2.2).

Согласно приведенным данным, средний возраст при вступлении в первое партнерство для всех респондентов очень высок — 26 лет, для целевой совокупности — 23 года. Медианы составляют 23 и 22 года соответственно. Минимальный указанный в анкетах возраст вступления в первое партнерство — 13 лет, максимальный — 75 лет. Мужчины вступают в партнерства позже, чем женщины, примерно на 1–2 года: медиана для целевой совокупности у мужчин — 23 года, для женщин — 21 год. Межпоколенческая разница очень велика и составляет несколько лет.

Первый брак наступает в среднем в 22 года (и для всей выборки, и для целевой совокупности). Медиана для обеих переменных — 21 год. Минимальный указанный возраст — 14, максимальный — 69 лет. Мужчины вступают в браки позже, чем женщины, примерно на 1–2 года: медиана для целевой совокупности у мужчин 23 года, для женщин — 21 год (как и для партнерств). Возраст вступления в брак у молодых респондентов ниже, чем у более пожилых, но на момент опроса только 30% самых молодых мужчин и 50% самых молодых женщин имели брачный опыт. Самому молодому респонденту уже исполнилось 25 лет. То есть больше половины респондентов будут вступать в браки уже после 25 (если вообще будут в них вступать), что в итоге сильно «состарит» средние и медианные возрасты.

Средние и медианные возрасты первого деторождения составляют 23 года. Минимальный встречающийся возраст — 15 лет, максимальный — 49. Мужчины заводят первого ребенка примерно на два года позже, чем женщины: медиана для целевой совокупности у мужчин — 24 года, для женщин — 22 года (на год позже вступ-

Таблица 2.2.

Средние и медианные возрасты наступления стартовых демографических событий (все события и только события, наступившие в возрастном диапазоне 15–35 лет)

Положение, годы рождения	Возрасты											
	Средние						Медианные					
	Все события			События, наступившие в 15–35 лет			Все события			События, наступившие в 15–35 лет		
	Первое парт-нерство	Первый брак	Первый ребенок	Первое парт-нерство	Первый брак	Первый ребенок	Первое парт-нерство	Первый брак	Первый ребенок	Первое парт-нерство	Первый брак	Первый ребенок
	<i>Мужчины</i>											
1930–1939	33,27	25,42	26,54	24,50	24,81	25,70	26	24	26	23	24	25
1940–1949	32,14	24,12	24,79	24,51	23,62	24,63	27	23	24	24	23	24
1950–1959	29,15	23,89	24,80	24,10	23,12	24,42	25	23	24	23	22	24
1960–1969	26,65	23,85	25,04	24,63	23,41	24,63	25	23	24	24	23	24
1970–1979	23,91	23,02	24,41	23,82	23,02	24,37	23	23	24	23	23	24
1980–1986	20,66	22,78	24,00	20,66	22,78	24,00	20	22	25	20	22	25
Всего	26,48	23,91	24,96	23,59	23,45	24,62	23	23	24	23	23	24
	<i>Женщины</i>											
1930–1939	30,52	23,08	23,73	23,03	22,34	23,44	25	22	23	22	22	23
1940–1949	28,86	21,92	23,21	23,04	21,61	22,99	24	21	22	22	21	22
1950–1959	28,83	22,13	23,27	23,51	21,75	22,98	26	21	22	22	21	22
1960–1969	25,69	21,23	22,32	23,04	21,06	22,21	23	20	21	22	20	21
1970–1979	21,83	20,50	21,54	21,66	20,37	21,54	20	20	21	20	20	21
1980–1986	19,60	20,45	21,42	19,60	20,45	21,42	19	20	21	19	20	21
Всего	26,00	21,73	22,76	22,40	21,40	22,57	23	21	22	21	21	22

Поколение, годы рождения	Возрасты											
	Средние						Медианные					
	Все события						Все события					
	События, наступившие в 15–35 лет						События, наступившие в 15–35 лет					
Первое парт- нерство	Первый брак	Первый ребенок	Первое парт- нерство	Первый брак	Первый ребенок	Первое парт- нерство	Первый брак	Первый ребенок	Первое парт- нерство	Первый брак	Первый ребенок	
1930–1939	31,18	23,71	24,42	23,38	22,99	23,98	25	23	24	23	23	24
1940–1949	29,68	22,57	23,67	23,38	22,20	23,46	25	22	23	23	22	23
1950–1959	28,91	22,66	23,71	23,66	22,16	23,39	26	22	23	23	21	23
1960–1969	26,03	22,17	23,27	23,61	21,90	23,05	23	21	22	22	21	22
1970–1979	22,58	21,36	22,49	22,44	21,28	22,47	22	21	22	22	21	22
1980–1986	20,06	21,19	22,23	20,06	21,19	22,23	20	21	22	20	21	22
Всего	26,15	22,42	23,43	22,79	22,04	23,19	23	21	23	22	21	23

Оба пола

Источник: Рассчитано и составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

ления в союзы). В разрезе поколений пока наблюдается омоложение возраста первого деторождения, но с учетом того, что только 40% самых молодых мужчин и 70% самых молодых женщин стали родителями, как и в ситуации с браками, в будущем нас ожидает постарение возраста первого деторождения.

Изучим, в какой комбинации наступают первое партнерство и первый брак у разных поколений россиян. Отметим, что при подготовке данных мы исключили возможность одновременного наступления браков и партнерств.

На рис. 2.2 представлены доли респондентов, имеющих в своей биографии следующую композицию матримониальных событий: нет ни партнерства, ни брака; есть только одно из этих событий; есть оба события, и тогда либо брак, либо партнерство наступило раньше. Визуально сразу определяется монополия брака, которая присутствовала во всех поколениях, рожденных до 1970 г. А в двух самых молодых поколениях начинают обретать

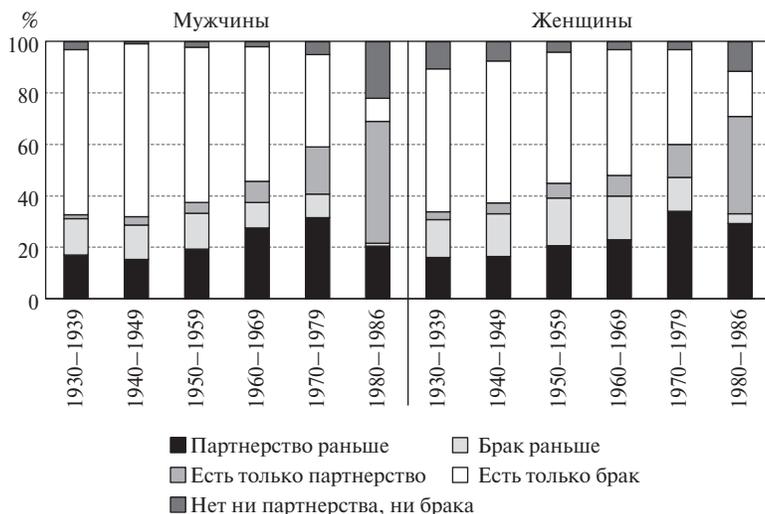

Рис. 2.2. Распределение респондентов в каждом поколении по наличию опыта матримониальных событий (брачного и/или партнерского союза) и их последовательности в жизни индивидов, %

Источник: Рассчитано автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

популярность партнерства, наступившие раньше первого брака, или только партнерства. Удельная доля первый браков достигает исторического максимума в поколении 1980—1986 годов рождения.

Теперь рассмотрим тайминговую сторону наблюдаемого процесса. Изучим интервалы между стартовыми демографическими событиями. Здесь мы также добавим первое деторождение, так как протогенетический интервал — важный индикатор демографической модернизации. На рис. 2.3 представлено медианное количество месяцев между первым партнерством и браком, а также между каждым из союзов и деторождением. Прежде всего мы видим, что для половины респондентов характерно предшествование партнерства браку.

Мы наблюдаем неуклонный рост этого интервала с 10 до 34 месяцев у мужчин и с 9 до 22 месяцев у женщин. То есть самые молодые поколения мало того, что предпочитают партнерства бракам и заводят в них детей, так еще и делают это с серьезным «запозданием» — на 2–3 года после старта союза.

Ситуация с деторождениями в браке выглядит совершенно иначе. Медианные интервалы снижаются с 12 до 5 месяцев у мужчин и с 11 до 8 месяцев у женщин. Это говорит о росте отрицательных значений этого интервала — когда деторождение наступает до брака. То есть для молодых поколений становится допустимым не прикрывать беременность браком сразу, а вступать в брак уже после деторождения.

Для того чтобы оценить шансы обретения демографических событий, мы построили несколько регрессий пропорциональных рисков (регрессии Кокса). Результаты с регрессионными коэффициентами и характеристиками моделей приведены далее в таблицах: табл. 2.3 представляет модели со стратификацией по полу, табл. 2.4 — по поколениям, табл. 2.5 — по полу и поколениям. В качестве ковариат в разных спецификациях были включены следующие переменные: уровень образования, тип населенного пункта, мобильность, количество детей. В трех следующих разделах мы рассмотрим результаты этого моделирования.

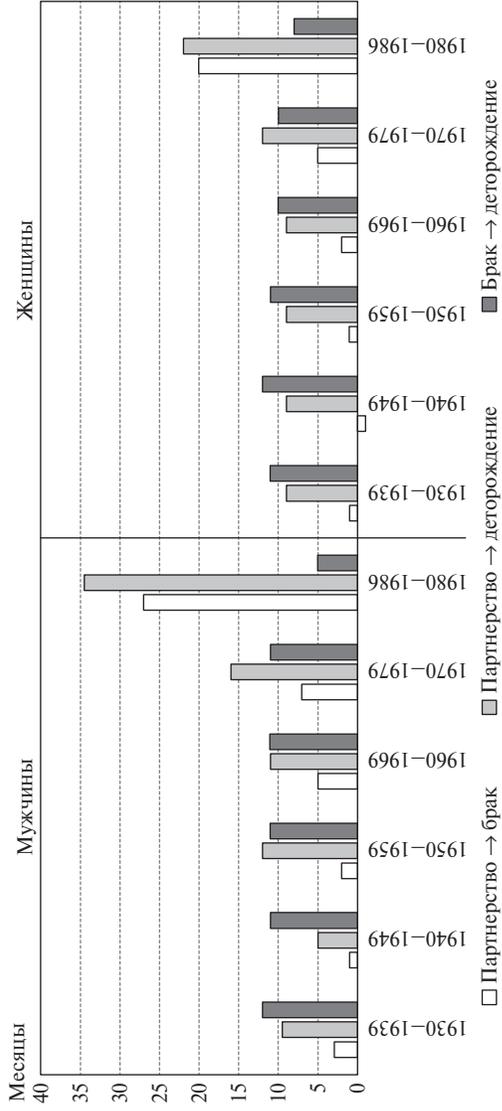

Рис. 2.3. Медианная длительность интервалов между указанными событиями в случае их наступления, месяцы

Источник: Рассчитано автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

Таблица 2.3. Характеристики моделей пропорциональных рисков — стратификация по полу

Ковариата	Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок	
	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.
Поколения (переменная контроля):						
1980—1986 (реф.)		0,000		0,000		0,000
1930—1939	0,140	0,000	1,181	0,059	1,236	0,006
1940—1949	0,165	0,000	1,411	0,000	1,471	0,000
1950—1959	0,223	0,000	1,461	0,000	1,460	0,000
1960—1969	0,297	0,000	1,554	0,000	1,599	0,000
1970—1979	0,531	0,000	1,609	0,000	1,660	0,000
Уровень образования:						
Высокий (реф.)		0,000		0,000		0,000
Средний	1,189	0,001	1,215	0,000	1,443	0,000
Низкий	1,320	0,000	1,071	0,160	1,423	0,000
Тип населенного пункта:						
Областные центры (реф.)		0,000		0,002		0,000
Город и ПГТ	0,695	0,000	1,139	0,000	1,216	0,000
СНП	0,618	0,000	1,093	0,021	1,352	0,000
Смена населенного пункта:						
Не было (реф.)		0,000				
Нисходящая мобильность	1,329	0,000				
Восходящая мобильность	1,075	0,162				

Окончание табл. 2.3

Ковариата	Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок	
	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.
Количество детей:		0,010		0,000		
Нет детей (реф.)						
1	1,034	0,614	3,805	0,000		
2	0,896	0,118	5,905	0,000		
3	0,996	0,969	6,062	0,000		
4+	1,205	0,156	5,702	0,000		
<i>Характеристики модели</i>						
Базовая модель	Наблюдения -2LL	2523 (2920) 38560,073	4621 (829) 67314,917		4880 (571) 70391,274	
+ ковариаты	-2LL Хи-квадрат	38382,663*** 177,41	66167,144*** 1147,773		70159,491*** 231,783	
+ переменная для контроля	-2LL Хи-квадрат	37767,938*** 792,135	66100,671*** 1214,246		70080,475*** 310,799	

Примечание. Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице, приведены для последней версии модели — с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такая переменная — пол). В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобках указано количество цензурированных респондентов. Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$. ПГТ — поселок городского типа, СНТ — сельский населенный пункт.

Источник: Составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

Таблица 2.4. Характеристики моделей пропорциональных рисков — стратификация по поколениям

Ковариаты	Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок	
	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.
Пол (переменная контроля):						
Мужской (реф.)						
Женский	1,161	0,001	1,370	0,000	1,682	0,000
Уровень образования:						
Высокий (реф.)		0,000		0,000		0,000
Средний	1,181	0,001	1,232	0,000	1,457	0,000
Низкий	1,307	0,000	1,062	0,219	1,455	0,000
Тип населенного пункта:						
Областные центры (реф.)		0,000		0,002		0,000
Город и ПГТ	0,700	0,000	1,139	0,000	1,240	0,000
СНП	0,626	0,000	1,073	0,067	1,415	0,000
Смена населенного пункта:						
Не было (реф.)		0,000				0,121
Нисходящая мобильность	1,327	0,000			1,019	0,704
Восходящая мобильность	1,079	0,143			1,082	0,041
Количество детей:						
Нет детей (реф.)		0,010		0,000		
1	1,041	0,546	3,480	0,000		
2	0,903	0,143	5,501	0,000		
3	1,005	0,957	5,546	0,000		
4+	1,213	0,143	5,413	0,000		

Окончание табл. 2.4

Ковариаты	Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок	
	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.	Ехр(В)	Знач.
<i>Характеристики модели</i>						
Базовая модель	Наблюдения	2523 (2920)	4621 (829)		4880 (571)	
	-2LL	32932,181	57369,814		59834,377	
+ ковариаты	-2LL	32806,135***	56447,899***		59642,468***	
	Хи-квадрат	126,046	921,915		191,909	
+ переменная для контроля	-2LL	32794,196***	56349,658***		59362,628***	
	Хи-квадрат	137,985	1020,156		471,749	

Примечание. Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице, приведены для последней версии модели — с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такая переменная — поколение). В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобках указано количество цензурированных респондентов. Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Источники: Составлено автором (панельные данные РидМиж на 2011 г.).

Таблица 2.5. Характеристики моделей пропорциональных рисков — стратификация по полу и поколениям

Ковариаты		Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок	
		Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.
Уровень образования:							
Высокий (реф.)			0,000		0,000		0,000
Средний		1,190	0,000	1,229	0,000	1,458	0,000
Низкий		1,320	0,000	1,079	0,120	1,472	0,000
Тип населенного пункта:							
Областные центры (реф.)			0,000		0,003		0,000
Город и ПГТ		0,699	0,000	1,137	0,001	1,218	0,000
СНП		0,626	0,000	1,077	0,053	1,335	0,000
Смена населенного пункта:							
Не было (реф.)			0,000				
Нисходящая мобильность		1,324	0,000				
Восходящая мобильность		1,080	0,138				
Количество детей:							
Нет детей (реф.)			0,012		0,000		
1		1,038	0,580	3,619	0,000		
2		0,901	0,138	5,630	0,000		
3		0,999	0,996	5,809	0,000		
4+		1,203	0,162	5,418	0,000		
<i>Характеристики модели</i>							
Базовая модель	Наблюдения	2523 (2920)		4621 (829)		4880 (571)	
	-2LL	29820,261		51585,116		53806,525	
+ ковариаты	-2LL	29696,340***		50655,877***		53583,182***	
	Chi-квдрат	123,921		929,239		223,343	

Примечание. Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице, приведены для последней версии модели — с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такие переменные — пол и поколение). В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобках указано количество цензурированных респондентов. Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Источник: Составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

2.4. Обретение опыта первого партнерского союза, первого брака, рождения первого ребенка в России: модели пропорциональных рисков

2.4.1. Обретение первого опыта совместного проживания с партнером для мужчин и женщин

Сравнения по полу показали, что у женщин на 16% больше шансов вступить в первое партнерство, чем у мужчин. Рисунок 2.4 показывает изменения с возрастом значений кумулятивного риска. У женщин на всем периоде наблюдения риск вступления в первое партнерство выше, чем у мужчин.

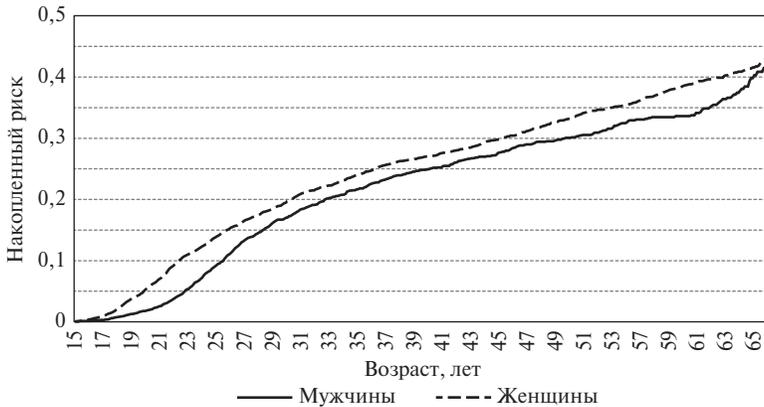

Рис. 2.4. Кумулятивный риск вступления в первое партнерство к указанному возрасту для мужчин и женщин в России

Источник: Рассчитано автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

В то же время сравнение функций риска по полу и поколениям показывает, что различия по поколениям выражены существеннее, чем по полу. Мужчины и женщины одного и того же поколения ведут себя похожим образом, и наблюдаемая трансформация — именно поколенческий сдвиг.

Межпоколенные различия значимы для всех категорий временной (см. табл. 2.3). У всех поколений россиян с доверительной вероятностью больше 99,9% шансы вступления в незарегис-

трированные союзы (первое партнерство) ниже, чем у самых молодых респондентов. Максимальные различия у самых молодых с самыми пожилыми: у поколения 1930–1939 годов рождения — на 86% меньше шансов вступить в первое партнерство, тогда как у поколения 1970–1979 годов рождения — на 47% меньше.

Вступление в первое партнерство, предшествующее официальному браку или замещающее его, становится для молодых респондентов новой нормой, тогда как для более старших поколений это было довольно маловероятное событие.

В зависимости от уровня образования шансы вступления в первый брак различаются статистически значимо на уровне не менее 99,9% (табл. 2.3–2.5). Респонденты со средним уровнем образования имеют на 18% больше шансов вступить в первое партнерство, чем респонденты с высоким уровнем. Те, у кого низкий уровень образования, вступают в партнерства на 31% интенсивнее высокообразованных.

В зависимости от типа населенного пункта результаты также различаются значимо (на уровне не менее 99,9%). Жители городов и поселков городского типа имеют на 30% меньше шансов вступить в партнерство, чем жители областных центров, а жители села — на 28% меньше шансов (см. табл. 2.3–2.5).

Для переменной пространственной мобильности значимые различия были обнаружены только между не менявшими тип населенного пункта и совершавшими нисходящую мобильность (например, из города в село). Те, кто переезжал в сельскую местность, имеют на 32% больше шансов вступить в первое партнерство (см. табл. 2.3–2.5).

Различия категорий переменной о количестве рожденных детей оказались не значимы, тогда как сама переменная немного улучшила модель (см. табл. 2.3–2.5).

2.4.2. Риск заключить первый брак для мужчин и женщин в зависимости от возраста, поколения, уровня образования, типа населенного пункта и числа детей

Риск вступить в первый брак существенно различается для мужчин и женщин. Шансы женщин вступить в брак выше, чем у мужчин, на 37% (с вероятностью более 99,95%).

Данные рис. 2.5 демонстрируют, что респонденты начинают вступать в первый брак с 17 лет, причем примерно до 25 лет женщины делают это активнее, чем мужчины. После 25 лет тенденция меняется, и риск женщин сильно замедляется, тогда как риск мужчин продолжает активно расти.

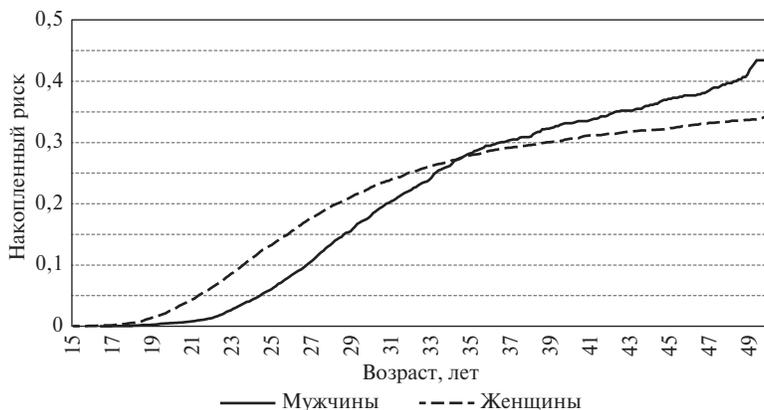

Рис. 2.5. Кумулятивный риск заключить первый брак к указанному возрасту для мужчин и женщин в России

Источник: Рассчитано автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

В зависимости от поколений также обнаружены различия (см. табл. 2.3–2.5). Причем здесь максимальный разрыв в шансах вступить в первый брак наблюдается у самых молодых поколений (рожденных в первой половине 1980-х годов) не с самыми пожилыми, а с ближайшими к ним поколениями. Шансы поколения 1970–1979 годов рождения вступить в первый брак на 60% выше, чем у самых молодых (с вероятностью 99,9%). Далее разрыв между поколениями снижается, достигая всего 18% между самыми пожилыми и самыми молодыми (значимость на уровне 94,1%).

Раздельное рассмотрение функции риска по полу и поколениям показывает, что гендерные различия сильнее обуславливают шансы заключить брак, чем поколенческие различия (см. табл. 2.3–2.5). Если вступление в первое партнерство не имело сильных гендерных различий, то на характер функции риска заключить законный брак гендерная принадлежность существенно

влияет. На протяжении первых 10–15 лет после 15-летия женщины активно вступают в браки, причем представительницы молодых поколений делают это даже активнее, чем более старшие поколения. Мужчины в это время также вступают в браки, но менее интенсивно. У женщин кривые начинают переходить в горизонтальную фазу начиная с 25–30 лет. У мужчин рост кривой также замедляется, но не так заметно, как у женщин, и в результате значения функции не выходят на плато до конца наблюдения.

В первые 10 лет после 15-летия среди мужчин и женщин самые высокие риски вступления в первый брак демонстрируют представители поколения 1970–1979 годов рождения. После 25 лет у женщин лидером становится поколение 1960–1969, а у мужчин — 1930–1959 годов рождения (см. табл. 2.3–2.5).

Самые низкие риски на старте наблюдения — у поколения 1930–1939 годов рождения, но к 25 годам существенное отставание значений риска от всех остальных поколений демонстрируют самые молодые. Также нужно заметить, что самые молодые уже дожили до 25 лет, но у них пересечения графиков для мужчин и женщин, которое происходило в остальных поколениях, пока не произошло.

По уровню образования значимые различия наблюдаются только для тех, у кого есть профессиональное образование. С доверительной вероятностью выше 99,9% респонденты со средним уровнем образования имеют на 22% более высокие шансы вступления в первый брак, чем респонденты с высоким уровнем образования (см. табл. 2.3–2.5).

Различия в зависимости от типа населенного пункта оказались также значимы. На максимальном уровне значимости жители городов и поселков городского типа имеют на 14% больше шансов вступления в первый брак, чем жители областных центров. На уровне значимости минимум 93,3% жители сельских населенных пунктов имеют на 8% больше шансов вступления в первый брак, чем жители областных центров. В то же время пространственная мобильность оказалась незначима и не была включена в модель (см. табл. 2.3–2.5).

Ожидаемо число детей является значимой переменной. По сравнению с бездетными те, у кого есть один ребенок, демонстрируют в 3,5 раза больше шансов вступления в брак, те, у кого два ребенка, — в 5,6 раза и т.д. вплоть до 6-кратного роста. Репро-

дуктивный и матримониальный опыт демонстрирует однозначную взаимосвязь (см. табл. 2.3–2.5).

2.4.3. Риск родить первого ребенка для мужчин и женщин в зависимости от возраста, поколения, уровня образования, типа населенного пункта

Графики на рис. 2.6 показывают, что различия между мужчинами и женщинами в модели деторождения очень велики: на всем периоде наблюдения риск появления первого ребенка у женщин значительно выше, чем у мужчин. Расслоение по гендерному признаку применительно к риску рождения первенца проявляется сильнее, чем при вступлении в брак. Отчасти это может быть обусловлено тем, что именно женщина рождает ребенка, в то время как мужчина может не всегда знать, что стал отцом, или, зная, скрывать этот факт от интервьюера. Однако более важно учитывать, что мужчины и женщины вступают в брак и заводят ребенка в разных возрастах (женщины обычно раньше, чем мужчины), и в паре мужчина зачастую старше женщины (они в том числе могут принадлежать и к разным поколениям в принятых нами границах для годов их рождения).

Межпоколенческие различия в шансах появления первого ребенка также значимы. Тенденции и величина межпоколенческо-

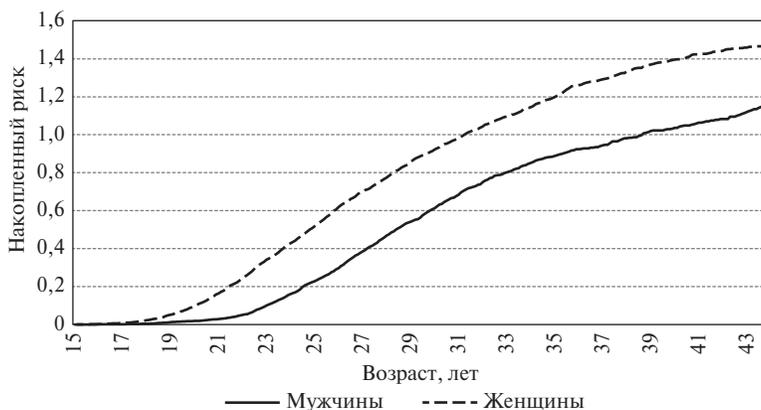

Рис. 2.6. Риски рождения первого ребенка после достижения 15 лет в разрезе пола

Источник: Рассчитано автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.).

го разрыва почти полностью совпадают с описанными выше закономерностями для риска вступления в первый брак: при сравнении с самыми молодыми у поколения 1970–1979 годов рождения на 66% выше риск деторождения, а у самых пожилых — всего на 23%. Статистическая значимость различий для всех категорий, кроме самых пожилых, наивысшая, а для самых пожилых — 99,4% (см. табл. 2.3–2.5).

Среди женщин выше всего риск деторождения на всем периоде наблюдения (на протяжении жизни до момента опроса) у респонденток 1970–1979 годов рождения, ниже всего до возраста 25 лет — у поколения 1930–1939 годов рождения, а после 25 лет — у самых молодых (см. табл. 2.3–2.5). Заметим, что графики функции риска для поколений очень мало пересекаются, т.е. для каждого поколения женщин характерна своя интенсивность первых деторождений.

Поколение 1940–1949 годов рождения начинало обретать опыт родительства довольно поздно и не очень интенсивно, но после 30 лет их риск становится выше, чем у всех других респондентов, в том числе женщин. Мужчины поколения 1970–1979 годов рождения сначала демонстрируют высокий уровень риска, а затем темп нарастания кумулятивного риска замедляется, и после 28 лет они демонстрируют один из самых низких рисков деторождения, ниже — только у самых молодых.

Самые молодые женщины в начале репродуктивной биографии демонстрируют довольно высокий риск деторождения, но после 25 лет их риск становится самым низким среди женщин и даже некоторых поколений мужчин. Самые молодые мужчины демонстрируют наиболее низкий риск деторождения среди всех респондентов.

В зависимости от уровня образования риск рождения первого ребенка различается значимо. С вероятностью выше 99,9% шансы родить первого ребенка на 45% выше для тех, у кого низкий или средний уровень образования, в сравнении с теми, кто высокообразован (см. табл. 2.3–2.5).

В зависимости от типа населенного пункта различия также значимы на самом высоком уровне. Те, кто живет в городе или поселках городского типа, имеют в среднем на 22%, а жители села — почти на 40% более высокие шансы деторождения, чем жители областных центров. Переменные, характеризующие пространственную мобильность, оказались незначимы (см. табл. 2.3–2.5).

3. Современные тенденции прекращения брачно-партнерских союзов в России: оценки для условных и реальных поколений в исторической перспективе

3.1. Тенденции разводимости в России на фоне экономически развитых стран по данным официальной статистики

Россия, в течение многих десятилетий неизменно занимающая лидирующую позицию по уровню разводимости среди стран Европы, в начале 2000-х обогнала по этому показателю США, которые до этого были бесспорным мировым лидером (рис. 3.1).

Общим трендом для развитых стран в последние десятилетия можно считать стремление к стабилизации коэффициента разводимости на среднем уровне — два развода на 1000 населения. Рост распространенности разводов практически остановился, а в целом ряде стран даже можно отметить более или менее выраженные признаки снижения¹. Так, в ряде западноевропейских государств, в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии снижение коэффициента разводимости более чем очевидно. Видимо, только в странах Южной Европы можно обнаружить сохранение повышательного тренда к среднему для развитых стран уровню. Отставание этих стран может быть объяснено более сильным влиянием там католической церкви, которая, как известно, не допускает развода венчальных браков и старается поддерживать в общественном мнении консервативный взгляд на институт брака в целом.

Относительно России если и можно говорить о тенденции к «стабилизации» коэффициента разводимости (с конца 1970-х годов), то на очень высокой планке, в 2 раза превышающей средний уровень для развитых стран. Кроме того, колебания коэффициента разводимости в последние десятилетия имели в нашей стране

¹ См. также: *Wagner M.* On increasing divorce risks // *Mortelmans D.* (ed.). *Divorce in Europe new insights in trends, causes and consequences of relation break-ups.* Springer Open, 2020. P. 37–61.